

Письмо Лины Г. о Глебе Павловском - 1.09.1983г./открыто друзьям/

Малая сестра моя! Памятуя своё обещание: о прошлом - писать, дабы не отрывая драгоценного времени у наших встреч, - попробую исполнить его. Прону снисхождения и недостаткам стили и прочим литературным тонкостей, в чём ты, я знаю, сильнее, и меня в том числе.

Начну о того, чем мы с тобой закончили. Лето 82-го года, Глеб в Бушаркан на предварительном следствии, я жду ребенка. Только ты могла спросить, чем я буду заниматься дальше, веря, что двое детей не поглотят меня целиком.

Всё как будто завершалось: следствие по делу Павловского, мои беременности, Валерия орен., - а значит, близилось начало всего: новые книги, новые события. А ждала Валерию, мне очень хотелось присоединиться к его семье. Видишь ли, я должна быть непременно "присоединена" к Мужчине, чтобы помогать ему в его деле.

Мы отделились о тобой в разногласии: "почему и мужчине? делай что-нибудь сама!". А я тебе - про "позелки", дескать, какой должен знать свой "позелок", что он может и чего не может. А умю рассказывать детей, знаю, как их растить. А в остальном нужен повелитель. "Такого человеком мог стать Валера. В то лето 82-го я особенно остро нуждалась в нём, оставались считанные дни...

Глеба судили 16-го августа в Дзержино. Мы тогда жили на даче. Я не могла, да и не хотела ехать на суд, но очень ждала чего с восторгом. В час ночи ушли Ганса Борисовна с Еленой "арнов по", а в два приехали на дачу и с порога: "Пять лет ссылки." Я не сразу поняла, что это не значит, обрадовалась, и вдруг заикалась, улыбаясь с раскаянием. Катюша целовала меня, неохотно рассказывала подробности. Мне позже я узнала их из дневника Виты Соколовой /см. "Дневниковая запись суда над Глебом Павловским./ Позже из ссылки, Глеб объяснялся с Витой /см. письмо Глеба №3 от 13.12.82г., с сокращениями - без личного./....

Я не знакома с этой "неурезанной личностью", ты знала другого Павловского.

"... Тебя куда-то унесит, куда, где ступать надо по окликившим немням, то и дело оступаться, и не узнать, какой раз/из этих/стать последним, - так ведь это всё дело, твой участок, твой/или ещё прочее; иначе не могу в самом что ни на есть буквальныйшем смысле словом не буквальный как дыхание..."

"Что все люди, несомненно с самодовольством - худшим, конечно, но и с либеральным самодовольством, и с диссидентским самодовольством, не говоря уж, естественно о казённом и полуказённом./ Это такая штука - самодовольство, оно может и стелзаться, и даже рвать на себе волосы, но больше всего ему подходит снисходительность, зовообщающая от... поступка./ Моя жизнь - нынешняя, уже не месяцы, а годы - в кругу несомненно с самодовольством. Что их немного, не беда, мне больше и не нужно. Беда же настоящая и даже лютая - терять их, терять досрочно, - пишет самый близкий друг Глеба Павловского через месяц после орен. та последнего. А при встрече спрашивает то ли меня, то ли себя: "Как ты думаешь, выдержит?"

В это же время я пишу Глебу в тюрьму

"Глебонька, дорогой мой. Верю, что ты здоров, и телом и душой. Не отступлю за тебя, не стал твой час, знаю, всё выдержишь. Об одном ждала Бога, чтобы никуда не окверка вокруг тебя не угнетала бы тебя. Помнишь, я что-то рассказывала ужасные, безобразные случаи из моей жизни/ а чего не договорила, ты сам понял/ и о том, что не пришло ко мне во вся эта мразь, с которой я столкнулась, а пережить всё, мне кажется, я даже очистилась. Теперь понимаю: для тебя это, и тебе шлю... А что здесь оставил не так, о том забудь, всё это теперь по ту сторону./ Хотя ты ведь ничего не забываешь.../ Но теперь-то есть точка, с ко-

горой начать, ну так начини, не тини нежитсе за собой.
Не известно, я теперь поняла, чем ты мучился последние годы. О вост
нас не беспокоило: Отец держится молодцом, может говорить о тебе
часами, а мы ниши, как известно, бл.годаря тебе слушательницы. Для эл
рова. Я стою на учёбе, чувствую себя хорошо, даятно тоже, пишу много
дом чист, принимаем друзей, и близких, и дальних.

Глебу, я теперь, как никогда, хочу подарить тебе свободу, нашу сво
боду - большего и не могу. Пришла время точек - итогов и точек над I.
Вдось бы почестней друг о другом, даже в мыслях.

Возвращение не ко мне - принимаю. Люблю тебя, жду, ждём тебя, пусть
не и нам, возвращайся.

Р.С. 1. Благодарю Бога, Глебонька, он тебя послал.

Р.С. 2. Будь самим собой, и не страшен будет Пугачичик.

Р.С. 3. Я приняла Сольвейг

Это не призыв и самопожертвование, это манитва близких, желание уб
речь от того самого самодозволения, я не знаю, можно ли письмо до
адресата/.

Самя Лизинка, бесспорно, прав. Не наде самозабвенный, надо лишь быть
самим собой /желательно, почтее, а не только попал в критическую оу
туацию - будь то тарым или разговор в КГБ/. А то ведь герои и воз
разить нечего, потому как речь идёт не о позиции, мировоззрении и
прочем, а о жизни и смерти, его, не нашей.

Другое дело, какой ценой заплачено за подобный "выход" из Ливинки
одному Павловскому известно. А ведь какой поучительный случай пре
ставился Глебу в итоге, можно сказать, на заре жизни, чтобы объясни
он с движением, кто, кому и в какой степени нужен.?

"Что произошло во мне, какая грязь свисталась неизбежно к про
ней грязи - под развесёлой вывеской" читаю Самиздат - борьба за
права человека идёт во все! Открыл это/если оставить труднее
и твоем всё взглянутое семейное бытие/второй поласобытия: пр
ход ко мне КГБ. Это было историчнее, равное чтению "Арзник", на
как не меньшее. Опуская двух-трёхчасовое подробности /мой де
ский опыт/, он закончился полной слачей: но строго по той же
формуле, что и уход в полонье: надо спешить последний шанс от
местии, Т.Е. Самого СВЯ. /Пророкч иезицистичнее вдруг про
зред все эволюция вперед и победил к динозавру - в канал, где
собия слачи - что-то вроде хоровой идеи поэзии: нью дефт с "дог
том, долгом марде свезав истобдичмент". Поскольку же ТЕОРИТИЧЕСКИ
это никак не могло быть названо гнусной слачей - оно обязано бы
ло стать победой и ничем иным: поэтому я не остановился на про
игрыше партии и выданном человеке, а еще и обдумался на будущее
быть подсадной уткой в Самиздате.!! Не они побоялись принить мо
встречные опер-идеи".... Гл. Павловский 27.09.80.

Стала быть, вопрос об "этике частного лица" возмал уже почти 8 лет
назад, да вот остался нерешенным. Неужели 8 лет жизни потрачено лишь
на то, чтобы стать "читалка-читабельным"? Сиди музик!

Прости, родная, воприни, мне стыдно и больно, что я помогала ему
в этом. /Как видишь, мужчином помогать чревато, от этого дети рожд
ются./ Знала же, что дал полдюску в КГБ и какой ценой остался на
свободе "единственным дееспособным редактором журнала "Лонки", кан
дидатом в зону",..! был обласкан - и оттуда, и отсюда.!!

Его любил жены сидевших, им можно/и даже должно/. "Во днешника
Лили Сокириш: "...Вот когда Глеба не вижу - скучно. Поразительно, как
я к нему привязалась. Наверное, за почитательное к тебе
отношение, за желание разобраться в "Засах", как будто ты ушёл, а это
духовная часть, не вою, а контуром, осталась и как-то выражается в
Глебе. Я отчитывалась ему, жду и получаю от него советы, доверно ет
разумности. Не хером и покойно в его обществе. Вообще, всё отношен
и нему, наверное, соответствует отношению сестры и младшему брату

/не было у меня младшего, но поверное, так и любил младшего, но уже взрослого брата/, с уважением/, со страхом за его жизнь, с желанием сказать ласковое слово, погладить по головке".

Иным, возмущающимся Мадерой и тут же рассказавшим Глеба - грешно. А что падеж Глеб до женской ласки, так то не вина его, а беда: видно маме, в детстве не догадала. /Для него женщина всегда немощно маме.

Но как мы всё же не внимательны к людям, даже и любимым, а может быть, особенно к любимым. Открываю Глеба для себя заново по... добутырским работам, запискам, обрывкам, уцелевшим после "великой чистки". /Одна ли я? "Если бы раньше.../ иначе, и в повинна, прежде всего перед Глебом, за то, что тюрьма оказалась снисхождением.

И если своим признанием вины Глеб "не плонул себе в душу" /что до друзей, так не время для церемоний/ и хотя бы в этом "не предал себя", то можно считать, что для него всё закончилось благополучно.

"Под занавес римские граждане раздваиваются по-разному: одни "кузковой", другие - плечущим над "кузкову, третьи откровенная доброты".

А не прислать ли тебе в сынку кофеечку, медный?

Иные, осознав его "дно", не подадут ему руки и будут правы; другие, близкие ему люди, подставив плечи, разделят его судьбы, и будут достойны уважения; третьи просто не поймут его, возьм у товарища "и оставит другой".

Что до развязки в Люблино, так Глеб принял единственно правильное решение - он вернулся к себе, своим словам, своим тем, кем ему должно быть: во всем сомневающимся, потому ненадежным, потому единичным. "

Примечание Вухи:

Проблема, на мой взгляд, носит очень личный и пристрастный характер, но Лина настаивала на его открытости и недвусмысленности, как бы общественной значимости, поэтому я и решил сопроводить его в недавнем своем архиве. Тем более, что выяснением отношений с Глебом занимался немало. Но видно, Лина не может поступить иначе, более оплодотворенно и логично, понятно, почему. А если вчитаться, то четко видно, что она вырвала отношения мамашам и Глебу не только свое....